

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 314.72, 316.334.56

doi: 10.17223/19988613/98/18

«Образ города» как фактор формирования миграционных мотиваций (на примере читинских мигрантов в Иркутске)

Кирилл Андреевич Иванов¹, Дмитрий Олегович Тимошкин², Федор Анатольевич Сметанин³

^{1,2} ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения
Российской академии наук», Иркутск, Россия

² Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия

³ Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ivanov-ka@word.isu.ru

² dmtrtim@gmail.com

³ f-smetanin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются образы города-донора и принимающего города в нарративах людей, переезжающих из Читы в Иркутск. Опираясь на 16 полуструктурированных автобиографических интервью с людьми, мы проанализировали образы принимающего города и города-донора и то, как сравнение этих образов стимулирует переезд. В первую очередь эмоциональные факторы выталкивают из города молодых людей, представителей среднего класса в Иркутск, который с экономической и инфраструктурной точки зрения может не сильно отличаться от Читы в их представлениях, обладая при этом более высокой «культурой».

Ключевые слова: внутренняя миграция, «западный дрейф», образ города, локальная культура

Благодарности: Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 121021800157-8.

Для цитирования: Иванов К.А., Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А. «Образ города» как фактор формирования миграционных мотиваций (на примере читинских мигрантов в Иркутске) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 149–157. doi: 10.17223/19988613/98/18

Original article

“The Image of the City” as a Factor in the Formation of Migration Motivations (using the Example of Chita Migrants in Irkutsk)

Kirill A. Ivanov¹, Dmitry O. Timoshkin², Fedor A. Smetanin³

² Irkutsk A.E. Favorsky Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

³ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ivanov-ka@word.isu.ru

² dmtrtim@gmail.com

³ f-smetanin@mail.ru

Abstract. The article examines the images of host and donor cities in the narratives of people moving from Chita to Irkutsk. We propose that the construction and opposition of representations of the host city and the donor city can be an important part of the mechanism reproducing the ‘Western drift.’ The image of the donor city allows future migrants to identify the reasons that make it impossible for them to stay in Chita, while the image of the receiving city aids in making significant decisions about potential migration destinations. Based on 16 semi-structured autobiographical interviews with individuals who moved from Chita to Irkutsk, we analyzed how respondents compared the images of the cities, identifying and classifying the key arguments in favor of leaving and choosing a destination. Our main finding was that in the respondents’ narratives, rational arguments (economy, ecology, infrastructure) were often intertwined with emotional arguments (subjective feelings of danger, boredom, greyness, and exclusion from the local cultural context). Notably, emotional arguments frequently dominated the narratives of younger respondents. Our hypothesis suggests that local culture and the ‘Western drift’ in Siberia are interdependent processes. Rural migration to Chita contributes to the maintenance of a specific non-urban culture characterized by a high level of tolerance for violence, a lack of demand

for developed entertainment infrastructure and various everyday goods, and the popularity of criminal subculture. This situation provokes young people, particularly the middle class ones, out of the city to Irkutsk, which may not differ significantly from Chita in terms of economic and infrastructural perceptions, yet offers a higher level of 'culture.' We believe that this study contributes to the discussion on 'Western drift' by providing a deeper understanding of how it operates at the level of two nearly equivalent regions. While the Western drift typically considers migration flows from Siberia and the Far East to the major cities of the European part of Russia, we have highlighted some features of this process at a smaller scale.

Keywords: internal migration, "Western drift", image of the city, migration motivations, local culture

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the state assignment topic No. 121021800157-8.

For citation: Ivanov, K.A., Timoshkin, D.O., Smetanin, F.A. (2025) "The Image of the City" as a Factor in the Formation of Migration Motivations (using the Example of Chita Migrants in Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 149–157. doi: 10.17223/19988613/98/18

Введение

Одним из ключевых трендов, характеризующих внутреннюю миграцию на востоке России, остается «западный дрейф» – перемещение населения с востока страны на запад, с севера на юг, из небольших сибирских и дальневосточных городов и поселков в более крупные населенные пункты [1]. «Западный дрейф» приводит к существенным демографическим потерям в регионах Сибири и Дальнего Востока, причем к потерям наиболее активной и состоятельной части населения [2]. Большинство российских внутренних мигрантов – именно им посвящена основная часть исследований по теме [3–5] – стремятся попасть в крупнейшие города европейской части России, такие как Москва и Санкт-Петербург.

Наша работа касается менее изученного аспекта «западного дрейфа» – перемещений между регионами, традиционно рассматриваемыми как доноры. Миграция в соседний крупный город в принципе составляет весьма существенную часть процесса. Например, мы знаем, что многие жители Тувы или Иркутской области, покинув регионы исхода, не уезжают дальше Красноярска, красноярцы, в свою очередь, нередко перебираются в Новосибирск [6]. При этом мы довольно мало знаем о мотивах, побуждающих людей выбирать соседние города, а не отправляться дальше на запад страны.

Объектом нашего исследования стали читинцы, переезжающие в Иркутск. Города мы рассматривали как типичные доноры, способствующие воспроизводству «западного дрейфа». Так, Забайкальский край теряет каждый год от 4 до 5 тысяч человек [7], большинство из которых уезжают из регионального центра [8]. При этом множество покидающих Забайкалье читинцев перебираются в Иркутск. Предметом исследования стали миграционные мотивации, подталкивающие читинцев к переезду, в особенности – роль, которую в их формировании сыграл образ принимающего города. Также нас интересовало то, как читинцы представляют себе свой город, какие плюсы и минусы они в нем замечают, и чем принимающий город отличается от Читы в их представлениях.

Образ города и региона как фактор формирования миграционных мотиваций – довольно распространенная тема как в отечественных [9, 10], так и в зарубежных [11, 12] работах. Исследования показывают, что

образ территории влияет на выбор места жительства вне зависимости от типа и размера поселения-донора и принимающего поселения [13, 14]. Ключевыми при этом становятся представления о социально-экономическом состоянии принимающей территории – уровне зарплат, развитости инфраструктуры, ценах, качестве социального обслуживания. Важна и культурная составляющая [15, 16]. Именно на культуре делают акцент создатели городских брендов, пытающиеся повысить его привлекательность, особенно для высококвалифицированной миграции [17].

Мы полагаем, что образ принимающего города играет значительную роль и в формировании «западного дрейфа» наряду с карьерными перспективами [18, 19], семейными обстоятельствами [20, 21] и другими факторами [22]. Мы знаем, что одними из главных мотивов, подталкивающих жителей Читы к переезду, становятся проблемы с поиском достойной работы в Забайкалье, низкий уровень жизни [23], однако у нас крайне мало данных о причинах выбора конкретного направления.

Почему именно Иркутск кажется многим читинцам потенциальным решением проблем, выталкивающих их из города-донора? Откуда они получают информацию о принимающем регионе? Какие черты образа оказываются наиболее привлекательными и вносят вклад в принятие решения о переезде? Оправдываются ли ожидания по приезду в Иркутск?

Ответы на эти и другие вопросы позволяют лучше понять процесс формирования «западного дрейфа» на микроуровне. В частности, установить, как влияют на него стереотипы жителей сибирских и дальневосточных регионов о соседних крупных городах и их населении, расширив наши представления о том, почему «западный дрейф», собственно, является «западным».

Теоретическая рамка исследования объединила несколько концептов. «Образ города» К. Линча, писавшего о влиянии субъективных, эмоциональных представлений горожан о среде обитания на их поведение; «Ментальные симуляции» – понятие, использованное Г. Кляйном для описания процесса принятия значимых решений в стрессовой ситуации, когда люди строят образ ближайшего будущего на основе прошлого опыта, чтобы наиболее эффективно действовать в ее контексте; концепт «социального конструирования эмоций» Дж.Р. Аверилла, демонстрирующий значимость эмоций в процессе принятия ключевых решений [24]. Мы предполагали, что, принимая решение

о переезде, люди формируют и противопоставляют друг другу два образа – принимающего города и города-донора. Это противопоставление ложится в основу «ментальной симуляции» [25], представлений о жизни в новом городе, его способности дать потенциальному мигранту то, чего он был лишен в родном городе.

Мы опирались на качественные методы. Причиной такого выбора был, во-первых, пилотный характер исследования: в исследованиях миграционных мотиваций людей, перемещающихся из одного региона РФ в другой, практически не рассматривается образ принимающего города. Другой причиной стала сложность феномена. Образ города субъективен, эмоционален, включает в себя звуки, запахи, субъективные ощущения опасности / безопасности, комфорта / дискомфорта, что затрудняет его формализацию как исследовательского предмета.

Исследование построено на 16 полуструктурированных интервью. Часть интервью (7 шт.) проводилась с читинцами, которые только планируют переезд, рассматривая в качестве вероятного варианта Иркутск. Другая часть (9 шт.) проведена с людьми, уже переехавшими в Иркутск и прожившими там от 3 месяцев до 16 лет. Возраст респондентов варьировал от 19 до 56 лет, однако большинство было не старше 35. Поскольку одной из ключевых проблем, связанных с «западным дрейфом», считается отток на запад молодых и образованных людей, наиболее перспективных для рынка труда, мы решили сконцентрироваться именно на них. Большинство наших респондентов имели высшее образование. Их заработок несколько превышает средний доход в восточносибирских регионах. Все они занимаются интеллектуальным трудом, работая юристами, руководителями, финансистами, предпринимателями. Трое респондентов являются студентами иркутских вузов.

Статья разделена на две части. В первой мы рассматриваем образ города-донора как фактор формирования миграционных мотиваций, во второй – образ принимающего города и аргументы в пользу выбора Иркутска в качестве миграционного направления.

Скука и культурная дистанция: образ города-донора и миграционные мотивации читинцев

Одним из главных достоинств Читы у респондентов становится ее привычность. Респонденты хорошо ориентируются как в пространственной, так и в социальной структуре города: «Ну, плюсы – это, в принципе, доступность. Куда-то доехать очень быстро. То есть это, в принципе, маленький город, он удобен именно в транспортном смысле. Это знакомства, встречи с друзьями. Можно любой вопрос в маленьком городе решить буквально за полчаса. Ну, какие-то такие базовые, то есть и медицинские вопросы, и юридические... и в целом любые, что с государственными службами связаны».

Основой комфортной жизни в Чите становится интегрированность в локальные горизонтальные сети. Люди, родившиеся и выросшие здесь, могут благодаря им раз и навсегда существенно повысить уровень жиз-

ненного комфорта. Из-за постоянной миграции, вымывающей множество специалистов, оставшиеся могут не опасаться конкуренции. Однажды войдя в тот или иной профессиональный круг, можно благодаря его стабильности, поддерживаемой горизонтальными связями, без особых сложностей остаться в нем на всю жизнь. Дефицит квалифицированных специалистов приводит к тому, что оставшиеся могут рассчитывать на более высокие зарплаты, нежели в соседних регионах.

Однако те же факторы могут способствовать отъезду, ограничивая круг профессиональной коммуникации. Для некоторых остаться в Чите значит находиться в изоляции, постепенно теряя квалификацию: «невозможно коммуницировать среди тех, кто связан с какой-то профессиональной деятельностью», в городе «недостаточное количество профессионалов», поскольку «все, кто хоть немножечко представляет какой-то интерес для окружающего мира, они стараются все-гда перебраться отсюда».

Аргументы, которыми респонденты обосновывают переезд, можно для удобства разделить на рациональные и эмоциональные. К рациональным мы отнесли экологию, экономику, социальную проблематику, к эмоциональным – субъективное восприятие «атмосферы», «культуры» города. Эти аргументы постоянно смешиваются и дополняют друг друга, причем нередко именно эмоциональная часть превалирует над рациональной.

«Рациональным» аргументом становится плохая экология. По словам респондентов, высокая стоимость электроэнергии и изношенность коммунальных сетей приводит к тому, что многие читинцы, в том числе и живущие в большом частном секторе, отапливаются углем или дровами. К этому прибавляются выбросы угольной ТЭЦ, что плохо влияет на качество воздуха. В экологической аргументации также смешиваются рациональные и эмоциональные составляющие, грязный воздух называют одной из причин неблагоприятного эмоционального фона, связанного с городом. Дым не только делает воздух плохим, но и зимой окрашивает городские ландшафты в темно-серый цвет, что плохо сказывается на настроении горожан:

«Очень тяжело дышать на улице, такое есть. То есть у нас же все-таки печное отопление, в основном там вот эти... все котлы, тоже работающие от угля и прочего, поэтому задымленность, она, конечно, присутствует. Например, там в каких-то отдельных местах, районах города, в принципе, очень тяжело дышать. Вот, допустим, у меня очень много учениц жалуются даже на то, что у них прям сажа на окнах, на подоконниках, если окна открывают на проветривание».

К экономическим аргументам можно отнести высокую стоимость коммунальных услуг, особенно электроэнергии, что «съедает» весомую часть региональных надбавок к зарплатам. Сюда же относится и небольшой ассортимент товаров, прежде всего одежды и электроники. В Чите довольно сложно найти профессиональное оборудование. Дефицит последних моделей гаджетов и модной одежды можно отнести одновременно к эмоциональным и рациональным аргументам,

они особенно актуальны для молодых и образованных респондентов:

«Очень долго до нас идут всевозможные новинки <...> это те же модные тренды, грубо говоря <...> В плане магазинов, в плане одежды <...> причем мужской одежды. В Чите, скажем, таких магазинов очень мало, после ковида стало еще меньше».

К «смешанным» аргументам можно отнести также весьма узкий выбор развлечений. Скука становится важным аргументом в пользу того, чтобы покинуть город. Чита предлагает крайне мало качественных заведений – ресторанов и кафе, кинотеатров, публичных мест, где можно приятно провести время. Респонденты сетовали, что выбор точек общепита, где вкусно кормят и качественно обслуживают, ограничен 5–7 местами. То же самое касается мест для прогулок. При этом большая часть заведений и публичных пространств расположена в пределах очень небольшого центрального района: *«В основном нет какого-то такого места, куда можно было пойти погулять, мы, в принципе, все пути извели <...> если мы выходим погулять, то это центральные улицы города, на которых мы уже миллион раз были».* Этот дефицит отчасти компенсируется за счет благоустроенных природных территорий – Ивано-Арахлейских озер, спортивной базы «Высокогорье», что, с точки зрения респондентов, недостаточно для организации качественного досуга.

В городе три торгово-развлекательных центра – «Фортуна», «Макси» и «Новосити» – они небольшие, с идентичным набором товаров и услуг, причем *«не самого лучшего качества».* Одним из главных развлечений респонденты называют кино, однако и здесь город не предлагает большого разнообразия. Кинотеатры маленькие, выбор фильмов обычно сильно ограничен. В городе всего 2 квиза, один стендап-клуб. Читы объезжают стороной известные артисты, в редких крупных культурных мероприятиях участвуют знаменитости «не первого эшелона», что усиливает у горожан субъективное ощущение исключенности из общероссийского культурного контекста: *«Артисты приезжают на какие-нибудь фестивали в основном. Ну, музыканты в смысле. Да и то, всякие второсортные приезжают. Приезжал тут спектакль с участием Максима Аверина».*

За пределами городского центра уровень благоустроенности территорий резко падает, это становится заметно даже в прилегающих к нему районах: *«Такое не очень обустроенное благоустройство, чуть свернешь от центра, и, допустим, даже набережные рек – Ингоды, Читинки, какие-то страшенькие <...> очень неровные, асфальт все время бугристый <...> Это все платочное, заплаточное. Смотреть страшно, с коляской не погуляешь, постоянно запинаясь».* Проблемой становятся грязь и мусор, которые снижают положительный эмоциональный эффект даже от благоустроенных городских пространств. Вкупе с полуразрушенной коммунальной инфраструктурой, которая также плохо влияет как на облик города, так и на качество жизни, это становится еще одним аргументом в пользу миграции: *«Инфраструктура не устраивает меня. С кажем, когда ливни, то по улицам реки бегут».*

«То есть никакой ливневой канализации не было и нет, никто не собирается ее делать. И люди, кто оказался в этот момент на улице, они по колено в этой воде и грязи бредут».

Частью «образа города» становится не только его внешний облик, но и социальная среда, которая молодыми образованными людьми оценивается как чуждая и даже враждебная. Значительной частью символического ландшафта города до сих пор являются криминальные субкультуры, что не может не сказываться на базовом уровне толерантности к бытовому насилию, восприятию видимых различий. Сами респонденты нередко отделяли себя и свой ближний круг от «читинского» культурного контекста, в котором они ощущали себя чужаками.

Субъективное ощущение исключенности из локальной культурной среды, ощущение, что она воспринимает тебя как чужеродный элемент, снижало чувство базовой безопасности. В рассказах респондентов субъективное ощущение опасности возрастало по мере удаления от вернакулярного центра. Особенно низким ощущение безопасности было в периферийных районах – КСК, ГРЭС, Песчанка, Антипиха, Черновские, Сосновый бор.

О проблеме неблагоприятной социальной среды упоминали и люди более старшего возраста, однако они называли несколько другие признаки: неопрятный вид прохожих, их «отсталость», «бедную речь», «агрессивный настрой», отсутствие представлений о личных границах. Некоторые респонденты связывали это с внутренней миграцией, которая вымывает из города всех, кто *«что-то из себя представляет»*, заменяя их сельскими мигрантами из районов Забайкальского края.

Частью эмоционального аргумента в пользу отъезда становится и то, что со временем этот неблагоприятный социально-культурный контекст начинает доминировать над человеком, заставляя его отказаться от амбиций, профессионального и личностного роста, по сути, превращая его в часть самого себя. Для некоторых молодых респондентов наблюдение за такими жизненными траекториями становилось одной из главных мотиваций для отъезда.

В целом образ города-донора становится важным фактором процесса формирования миграционных мотиваций. Наши респонденты, воспроизводя образ в интервью, делали акцент на его эмоциональной составляющей в большей степени, нежели на экономических и инфраструктурных. Субъективное ощущение скуки, удаленности от культурных центров, опасности и бесперспективности становится едва ли не ключевым фактором, выталкивающим людей, которых условно можно отнести к «среднему классу», за пределы города. Судя по нашему материалу, экономические мотивы также важны, но не первостепенны. Крайне важными представляются и замечания респондентов относительно субъективного ощущения исключенности из локального социально-культурного ландшафта, что приводит в том числе к потере ощущения безопасности.

Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что локальная культура, эмоциональный фон, который она

в немалой степени создает, и «западный дрейф», постоянно воспроизводят друг друга. Высокая толерантность к насилию, нехарактерное поведение в публичных местах, распространенность криминальных субкультур, с одной стороны, как считают некоторые респонденты, поддерживаются в городах-донорах сельскими мигрантами, которые в большом количестве приезжают в город. С другой стороны, молодые и образованные люди, которые могли бы поддерживать альтернативную социально-культурную среду, уезжают, так как чувствуют себя здесь лишними.

Город оказывается способен вырастить квалифицированных специалистов, которые могут конкурировать на федеральном рынке труда, однако оказывается неспособен предоставить им подходящие условия, в том числе приемлемый уровень качества жизни: безопасности, потребления, культуры. Люди, столь нужные для нормального функционирования местной экономики, очень быстро «перерастают» родной город, чья социально-культурная среда фактически выталкивает их.

Та же Чита, только лучше: образ Иркутска в нарративах внутренних мигрантов

Образ принимающего города респонденты формировали исходя как из собственного опыта, так и из информации, полученной опосредованно. Одни побывали в Иркутске, еще обучаясь в школе, во время соревнований или экскурсий. Другие учились в иркутских вузах, приезжали в город на отдых или в командировки. У иных же еще до посещения Иркутска сформировались представления о присутствующих здесь «точках притяжения», таких как качественное образование или более доступная и качественная медицина.

Сравнивая образы Иркутска и Читы в нарративах респондентов, мы обратили внимание не только на различия, но и на сходства, например во внешнем облике городов. И в Иркутске, и в Чите бросается в глаза неблагоустроенность центральной части, где и расположены основные логистические узлы – вокзал и аэропорт: *«Когда я впервые приехала в Иркутск и поехала поступать в университет, мы проезжали мимо этой Шанхайки (открытого рынка), я думала – господи, в какой город я приехала, что за грязь-то? Какой кошмар, как можно... Я понимала, что мы находимся в центре города... Остановка какая-то нерегулируемая. Автобус мог остановиться на перекрестке дорог, вокруг машины ездят, тут люди ходят, потом я позже вышла из автобуса на рынок и почувствовала, что там воняет, еще особенно по утрам, я все время думала, что это за центр, почему он такой грязный... Это же первое впечатление...»*

Можно предположить, что из-за сходства внешнего облика положительный образ Иркутска с большей вероятностью возникает у тех, кто провел здесь довольно продолжительное время. У людей, побывавших в городе проездом, нередко возникает впечатление об Иркутске как о *«той же Чите, только больше»*. Схожи города и в экономическом плане. Зарплаты в Иркутске и Чите в сферах, в которых заняты наши респонденты, одинаковы, иногда иркутские даже проигрывают чи-

тинским. Несильно отличаются и цены на еду, товары повседневного спроса и аренду, по крайней мере в представлениях наших собеседников.

К рациональным аргументам в пользу выбора Иркутска можно отнести более высокое качество медицинского обслуживания, разнообразие предоставляемых в городе услуг, наличие большого количества производств, обеспечивающих спрос на квалифицированных специалистов. Более качественные и доступные услуги, уровень персонала и качество оборудования становятся значимой частью образа Иркутска, привлекающей в город людей из регионов, расположенных к востоку. К рациональным аргументам можно отнести и развитость Иркутска как логистического центра:

«Потому что здесь и дешевле улететь, чем из Читы, и поучиться, и привезти что-то новое. И сама себестоимость будет дешевле, потому что, наверное, и топливо, и бензин – вот это все. Вот все, что сидит в себестоимости транспорта и коммуналки, оно дает людям больше развития. В город можно больше привезти, потому что это дешевле стоит».

Однако чаще респонденты либо смешивают рациональные аргументы с эмоциональными оценками, либо последние доминируют над первыми. Трудно формализуемые «хорошее настроение», «отдых» и даже «задор» звучат не реже, чем зарплаты и инфраструктура:

«Некоторые разы приезжал туда, потому что вылеты были оттуда. <...> то есть я приезжал специально часто за день, за два, чтобы можно было еще погулять, посмотреть, отдохнуть, так сказать. И уже с хорошим настроением, с задором ехать далее».

Значимыми факторами, обеспечивающими благоприятное эмоциональное восприятие Иркутска, которое иногда доминирует над экономическими аргументами, становятся «культура» и «развитость». Благодаря им, проигрывая в некоторых случаях в уровне дохода и даже социальном статусе после переезда, читинцы получают взамен больше возможностей потратить заработанное.

Респонденты, считающие Иркутск привлекательным для жизни местом, упоминают об огромной разнице в «развитии» между двумя региональными столицами. Эти представления довольно трудно формализуемы, сочетая эмоциональные и рациональные аргументы. Так, признаками «развитости» называют близость к Иркутску Байкала, который привлекает туристов, концентрацию в городе нескольких значимых транспортных маршрутов, соединяющих город с Монголией, Китаем, Центральной Азией, европейской частью страны, разнообразие и доступность товаров повседневного спроса, качественной одежды, парфюмерии, гаджетов и даже стройматериалов.

Часто упоминаемым признаком «развитости» Иркутска респонденты называют качество и разнообразие «третьих мест» [26], прежде всего заведений общепита. В Иркутске таких значительно больше, чем в Чите. Уровень местного обслуживания очень способствует формированию положительного эмоционального восприятия города в целом: *«Я, когда был в командировке, помню, зашел в кафе. Обычное такое*

кафе, первое попавшееся. Там девочка такая приятная. Подходит, все рассказывает мне. На самом деле настолько приятно, что персонал такой. <...> после меня она подходит за соседний столик, а там сидели американцы. И она с ними начинает говорить на английском. Я такой, блин, вот это серьезно! Вот это серьезно!»

Также этому способствует разнообразие публичных мест, пригодных для отдыха. В этом контексте упоминаются некоторые районы иркутского центра, прежде всего «130 квартал»¹, район Нижней набережной, другие рекреационные зоны городского центра. Живя в Чите, люди практически лишены возможности прогулок по берегам местных рек, поскольку набережные на них отсутствуют или заброшены. Состояние набережных можно выделить в отдельный эмоциональный аргумент в пользу Иркутска: «Вот сама река, она облик города очень сильно красит. <...> И как ухаживают за ней службы городские <...> Да, в Чите такого нет».

Некоторые респонденты отмечают, что благоприятный эмоциональный облик города формируется и благодаря лучшему состоянию исторической застройки, обилию и ухоженности зеленых зон. Упоминаются «Иерусалимская гора», Бульвар Постышева, Лисихинский парк, острова Юность и Конный. Байкал также становится важной точкой притяжения, его довольно часто упоминают как аргумент в пользу переезда.

Значимой частью образа Иркутска становятся представления о развитой культуре. Респонденты упоминают, что сюда чаще приезжают с гастролями известные артисты. Их визиты могут становиться точкой притяжения и источником впечатлений о городе. Периодически читинцы посещают Иркутск именно ради концертов музыкантов или спектаклей известных актеров. Учреждения культуры становятся важным фактором интеграции: переехав в Иркутск, читинские мигранты начинают активно посещать концерты и театры, городские музеи. Куда лучше в Иркутске с кинотеатрами. Большое количество ТРЦ, среди которых выделяют «Сильвермолл», «Яркополл», «Модный квартал» и «Новый», оборудованы большими кинозонами с 8–15 залами, отличающимися как по репертуару показываемых фильмов, так и по степени комфорта.

Упоминается и значительная разница в восприятии социально-культурной среды в двух городах. В Иркутске, по словам респондентов, больше «благополучных» людей с высоким доходом. Кто-то оценивает это по внешнему облику, кто-то – по манере поведения людей, живущих в Иркутске: «Мне кажется, в Иркутске больше людей с более высоким доходом. Сразу, мне кажется, в глаза бросаются <...> Судя по внешнему виду, конечно <...> Ну, скажем так, молодежь, да, золотая какая-то, может быть, молодые бизнесмены <...> Хорошо одетые, постоянно улыбаются <...> они сразу, мне кажется, в глаза бросаются». Иркутск воспринимается как перспективный и притягательный для молодых людей. Признаками того респонденты считают большое количество молодых лиц в публичных местах, их внешний облик – разнообразную, качественную одежду, их манеру общения:

«Но даже на улицах у меня возникло ощущение, что Иркутск более интеллигентный <...> Потому что в Чите очень сильно, в то время, по крайней мере, давно, отношение между людьми было такое немножко панибратское. На улице, скажем, к тебе часто обращались на “ты” без всяких предисловий, а здесь, нет, здесь обращались на “вы”, и это была сильная разница».

Экономика, которую нередко называют основным мотивом, побуждающим людей на переезд, в нарративах внутренних мигрантов оказывается второстепенным – если не третьестепенным – аргументом. Главным, чем Иркутск отличается от Читы, респонденты называют именно разницу в сложно формализуемой эмоциональной составляющей образа принимающего города. Именно субъективное представление об Иркутске как городе, более «развитом» и «культурном», побуждает читинцев задумываться о выборе Иркутска как цели для переезда.

Можно сказать, что ориентированность на субъективные, эмоциональные факторы при выборе миграционного направления вполне себя оправдывает. Большинство наших респондентов полагали, что Иркутск вполне соответствует их ожиданиям, они считают его вполне комфортным и не намереваются переезжать куда-то еще. Конечно, люди упоминают сложности, связанные со сменой обстановки, отчуждением от привычного круга общения, снижением дохода, непривычной, неудобной организацией движения в городе, непривычным климатом. Однако любые упоминаемые недостатки, ставшие видимыми только после переезда, не перевешивают приобретения от переезда: разнообразный досуг, более подходящая культурная и социальная среда, уровень потребления. Исключением стали наиболее молодые респонденты, обучающиеся в иркутских вузах. Они намереваются, окончив обучение, двинуться дальше на запад. В то же время они не отрицают возможности вернуться в Иркутск на ПМЖ, так как город закрывает большинство их культурных и экономических потребностей.

Заключение

Наше исследование показывает, что Иркутск часто становится миграционным направлением для читинцев в силу следующих причин. Город оказывается ближайшим к Чите местом концентрации точек притяжения «среднего класса», которых последняя лишена: крупных культурных событий и учреждений, развитых центров массового потребления, качественных «третьих мест». Относительная близость и дешевая логистика способствуют постоянной маятниковой миграции, деловым и туристическим поездкам, которые способствуют воспроизводству образа Иркутска как культурного, логистического, потребительского центра и постоянным сравнениям его с образом Читы.

Сравнение образов снова и снова оказывается не в пользу Читы, что становится существенным фактором миграционных мотиваций. Параметры, которыми снабжают его будущие и состоявшиеся мигранты, оказываются ключевыми для молодых квалифицированных специалистов при принятии решения о переезде,

а также о выборе направления. Ощущение безопасности, общий культурный и социальный контексты Иркутска, разнообразие товаров и услуг оказываются именно тем, чего не хватает наиболее перспективным для рынка труда респондентам из Читы. Экономика, экология, инфраструктура также важны, однако и они смешиваются с аргументами эмоциональными (субъективное ощущение безопасности, возможности развлечь себя, ощущение включенности в локальный культурный контекст).

Можно предположить, что локальная культура и западный дрейф в Сибири постоянно воспроизводят

друг друга. Сельская миграция в Читу способствует поддержанию там специфической не-городской культуры, характеризующейся высоким уровнем толерантности к насилию, отсутствием спроса на развитую инфраструктуру развлечений и разнообразных товаров повседневного спроса, популярностью криминальной субкультуры. Она выталкивает из города молодых людей, представителей среднего класса в Иркутск, который с экономической и инфраструктурной точки зрения может не сильно отличаться от Читы, обладая при этом более высокой «культурой».

Примечание

¹ Специально созданная зона исторической застройки в центре Иркутска. Исторические здания в основном коммерциализированы, в зоне располагается множество заведений общепита и досуга. Является популярным местом городского отдыха [27].

Список источников

1. Мкртчян Н.В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). С. 94–104.
2. Шворина К.В. Миграционная подвижность населения Забайкальского Края как показатель развития территории // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), № 4. С. 310–318.
3. Гольцова Е.В. Миграционное поведение молодежи Иркутской области // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 103–109.
4. Найден С.Н. Качество жизни как фактор миграционных мотиваций населения Камчатского края // Региональные проблемы. 2015. Т. 18, № 3. С. 35–44.
5. Скрипник Е.О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42–57.
6. Брызгина Д.Е., Сметанин Ф.А., Волошин А.А., Самарин А.С. Внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения Сибири: сравнительный анализ Иркутской, Томской областей и Красноярского края // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 137–149.
7. Миграция населения в 2001–2023 годах // Забайкалкрайстат URL: [https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Миграция%20населения\(2\).pdf](https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Миграция%20населения(2).pdf)
8. Миграция населения Забайкальского края в январе–октябре 2023 года // Забайкалкрайстат. URL: <https://75.rosstat.gov.ru/news/document/227115>
9. Кулибанова В.В., Приходько А.Н., Тэор Т.Р. Факторы повышения конкурентной привлекательности мегаполиса для молодежной миграции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 200–211.
10. Щекотуров А.В. Имидж Калининградской области в нарративах мигрантов // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 43–54.
11. Reiner C., Meyer S., Sardadvar S. Urban attraction policies for international academic talent: Munich and Vienna in comparison // Cities. 2017. Vol. 61. P. 27–35.
12. Wilczak J. “Clean, safe and orderly”: Migrants, race and city image in global Guangzhou // Asian and Pacific Migration Journal. 2018. Vol. 27 (1). P. 55–79.
13. Datta A. ‘Where Is the Global City?’ Visual Narratives of London among East European Migrants // Urban Studies. 2012. Vol. 49 (8). P. 1725–1740.
14. Cassel S.H. Trying to be attractive: Image building and identity formation in small industrial municipalities in Sweden // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. P. 102–114.
15. Buch T., Hamann S., Niebuhr A., Rossen A. What Makes Cities Attractive? The Determinants of Urban Labour Migration in Germany // Urban Studies. 2013. Vol. 51 (9). P. 1960–1978.
16. Wikhall M. Culture as regional attraction – migration decisions of highly educated in a Swedish context // 42nd Congress of the European Regional Science Association: “From Industry to Advanced Services – Perspectives of European Metropolitan Regions”, August 27th – 31st, 2002, Dortmund, Germany, European Regional Science Association. P. 1–20.
17. Belabas W., Eshuis J., Scholten P. Re-imagining the city: branding migration-related diversity // European Planning Studies. 2020. Vol. 28. P. 1315–1332.
18. Melguizo C., Royuela V. What drives migration moves to urban areas in Spain? Evidence from the Great Recession // Regional Studies. 2020. Vol. 54 (12). P. 1680–1593.
19. Rajendran D., Ng E.S., Sears G., Ayub N. Determinants of Migrant Career Success: a Study of Recent Skilled Migrants in Australia // International Migration. 2020. Vol. 58 (2). P. 30–51.
20. Herrero-Arias R., Hollekim R., Haukanes H. Self-legitimation and sense-making of Southern European parents' migration to Norway: The role of family aspirations // Population, Space and Place. 2020. Vol. 26 (8). P. 1–12.
21. Francisco-Menchavez V. All in the family: Transnational families and stepwise migration strategies // Geographical Research. 2020. Vol. 58 (4). P. 377–387.
22. Benson M., O'Reilly K. Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration // Sociological Review. 2009. Vol. 57 (4). P. 608–625.
23. Шворина К.В., Фалейчик Л.М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 485–501.
24. Averill J.R. The Social construction of Emotion: with Special Reference to Love // The Social Construction of the Person / ed. by K.J. Gergen, K.E. Davis. New York : Springer-Verlag, 1985. P. 89–109.
25. Клайн Г. Источник силы. Как люди принимают решения / пер. с англ. Д. Кралечкин. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 480 с.
26. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широканова. М. : Новое литературное обозрение.ю 2014. 456 с.
27. 130 квартал Иркутска — уникальный для России проект // BaikalGo : сайт-путеводитель по Байкальскому региону. URL: <https://baikalgo.ru/where/130-kvartal/> (дата обращения: 20.11.2024).

References

1. Mkrtychyan, N.V. (2004) Zapadnyy dreif vnutrirossiyskoy migratsii [The Western Drift of Internal Russian Migration]. *Otechestvennye zapiski*. 4(19). pp. 94–104.
2. Shvorina, K.V. (2018) Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya Zabaykal'skogo Kraya kak pokazatel' razvitiya territorii [Migratory Mobility of the Population of the Trans-Baikal Territory as an Indicator of Regional Development]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. 4(14). pp. 310–318.

3. Goltsova, E.V. (2017) Migratsionnoe povedenie molodezhi Irkutskoy oblasti [Migration Behavior of Youth in the Irkutsk Region]. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*. 5. pp. 103–109.
4. Nayden, S.N. (2015) Kachestvo zhizni kak faktor migratsionnykh motivatsiy naseleniya Kamchatskogo kraia [Quality of Life as a Factor in the Migration Motivations of the Population of the Kamchatka Krai]. *Regional'nye problemy*. 18(3). pp. 35–44.
5. Skripnik, E.O. (2010) Migratsionnye namereniya gorodskogo naseleniya Khabarovskogo kraia [Migration Intentions of the Urban Population of the Khabarovsk Krai]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 4. pp. 42–57.
6. Bryazgina, D.E., Smetanin, F.A., Voloshin, A.A. & Samarin, A.S. (2024) Intraregional and Interregional Migration of the Population of Siberia: A Comparative Analysis of the Irkutsk, Tomsk Regions and Krasnoyarsk Krai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 137–149. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/15
7. *Zabaykalkraystat*. (n.d.) Migratsiya naseleniya v 2001–2023 godakh [Population Migration in 2001–2023]. [Online] Available from: [https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Миграция%20населения\(2\).pdf](https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Миграция%20населения(2).pdf) (Accessed: 17th June 2024).
8. *Zabaykalkraystat*. (n.d.) Migratsiya naseleniya Zabaykal'skogo kraia v yanvare–oktyabre 2023 goda [Population Migration of the Trans-Baikal Krai in January–October 2023]. [Online] Available from: <https://75.rosstat.gov.ru/news/document/227115> (Accessed: 17th June 2024).
9. Kulibanova, V.V., Prikhodko, A.N. & Theor, T.R. (2018) Faktory povysheniya konkurentnoy privlekatel'nosti megapolisa dlya molodezhnoy migratsii [Factors for Increasing the Competitive Attractiveness of a Metropolis for Youth Migration]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*. 11(4). pp. 200–211.
10. Shchekoturov, A.V. (2022) Imidzh Kaliningradskoy oblasti v narrativakh migrantov [The Image of the Kaliningrad Region in Migrants' Narratives]. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*. 6. pp. 43–54.
11. Reiner, C., Meyer, S. & Sardadvar, S. (2017) Urban attraction policies for international academic talent: Munich and Vienna in comparison. *Cities*. 61. pp. 27–35.
12. Wilczak, J. (2018) “Clean, safe and orderly”: Migrants, race and city image in global Guangzhou. *Asian and Pacific Migration Journal*. 27(1). pp. 55–79.
13. Datta, A. (2012) ‘Where Is the Global City?’ Visual Narratives of London among East European Migrants. *Urban Studies*. 49(8). pp. 1725–1740.
14. Cassel, S.H. (2008) Trying to be attractive: Image building and identity formation in small industrial municipalities in Sweden. *Place Branding and Public Diplomacy*. 4. pp. 102–114.
15. Buch, T., Hamann, S., Niebuhr, A. & Rossen, A. (2013) What Makes Cities Attractive? The Determinants of Urban Labour Migration in Germany. *Urban Studies*. 51(9). pp. 1960–1978.
16. Wikhall, M. (2002) Culture as regional attraction – migration decisions of highly educated in a Swedish context. *42nd Congress of the European Regional Science Association: “From Industry to Advanced Services – Perspectives of European Metropolitan Regions.” August 27th – 31st, 2002, Dortmund, Germany, European Regional Science Association*. pp. 1–20.
17. Belabas, W., Eshuis, J. & Scholten, P. (2020) Re-imagining the city: branding migration-related diversity. *European Planning Studies*. 28. pp. 1315–1332.
18. Melguizo, C. & Royuela, V. (2020) What drives migration moves to urban areas in Spain? Evidence from the Great Recession. *Regional Studies*. 54(12). pp. 1680–1593.
19. Rajendran, D., Ng, E.S., Sears, G. & Ayub, N. (2020) Determinants of Migrant Career Success: a Study of Recent Skilled Migrants in Australia. *International Migration*. 58(2). pp. 30–51.
20. Herrero-Arias, R., Hollekim, R. & Haukanes, H. (2020) Self-legitimation and sense-making of Southern European parents' migration to Norway: The role of family aspirations. *Population, Space and Place*. 26(8). pp. 1–12.
21. Francisco-Menchavez, V. (2020) All in the family: Transnational families and stepwise migration strategies. *Geographical Research*. 58(4). pp. 377–387.
22. Benson, M. & O'Reilly, K. (2009) Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *Sociological Review*. 57(4). pp. 608–625.
23. Shvorina, K.V. & Faleyshik, L.M. (2018) Osnovnye trendy migratsionnoy mobil'nosti naseleniya regionov Sibirskogo i Dal'nevostochnogo Federal'nykh okrugov [Main Trends in the Migratory Mobility of the Population in the Regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts]. *Ekonomika regiona*. 14(2). pp. 485–501.
24. Averill, J.R. (1985) The Social construction of Emotion: with Special Reference to Love. In: Gergen, K.J. & Davis, K.E. (eds) *The Social Construction of the Person*. New York: Springer-Verlag. pp. 89–109.
25. Klein, G. (2020) *Istochnik sily. Kak lyudi prinyimayut resheniya* [Sources of Power: How People Make Decisions]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Delo; RANKhiGS.
26. Oldenburg, R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofeyni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Translated from English by A. Shirokanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. *BaikalGo*. (n.d.) 130 kvartal Irkutsk — unikal'nyy dlya Rossii proekt [The 130th Quarter of Irkutsk — a Unique Project for Russia]. [Online] Available from: <https://baikalgo.ru/where/130-kvartal/> (Accessed: 20th November 2024).

Сведения об авторах:

Иванов Кирилл Андреевич – младший научный сотрудник лаборатории устойчивого развития Байкальского региона ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук» (Иркутск, Россия). E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Тимошкин Дмитрий Олегович – ведущий научный сотрудник лаборатории устойчивого развития Байкальского региона ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук» (Иркутск, Россия); профессор кафедры информационных технологий в креативных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: dmtrtim@gmail.com

Сметанин Федор Анатольевич – старший преподаватель кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ivanov Kirill A. – Junior Research Fellow at the Laboratory of Sustainable Development of the Baikal Region A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Timoshkin Dmitry O. – Leading Research Fellow at the Laboratory of Sustainable Development of the Baikal Region A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation); Professor at the Department of Information Technologies in Creative Industries of the Humanitarian Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dmtrtim@gmail.com

Smetanin Fedor – Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies and Museology of the Institute of Arts and Culture of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 30.12.2024; accepted for publication 15.11.2025